

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

УДК 316.3(410)

ЭВОЛЮЦИЯ КВИР-ИДЕНТИЧНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Д. Б. Вершинина, А. С. Горшков

Анализируются факторы и механизмы эволюции квир-идентичности в Великобритании, а также степень ее влияния на социально-политический контекст развития страны в целом. Исследовательский фокус также сосредоточен на неформальных политических аспектах гомосексуальности, представляющих теневую сторону властных институций.

Ключевые слова: квир-идентичность, политика, гей-движение.

В последние десятилетия в академические бастионы Запада, наиболее развитого региона с точки зрения политического климата, активно проникают постмодернистские теории сексуальности. Эти концепты призваны интегрировать в общенаучный дискурс «иные», отличные от традиционных, социокультурные практики, свидетельствующие о дифференциации социума, ранее мыслимого в большей степени как монолит. К таковым относятся и «квир-теория» (от англ. queer – «странный», «чужаковатый», «эксцентричный»), зародившаяся в 1970–80-х гг.

Впервые дефиниция «квир» была введена в научный дискурс Терезой де Лауретис в целях осмысления многогранности женской гомосексуальности. Впоследствии термин был спроецирован и на мужчин-геев, а также другие типы сексуальной идентичности, не укладывающиеся в рамки гендерной модели, – транссексуальность, трансвестизм, бисексуальность и т.п. Квир-теория опирается на исследования постмодернистского философа Мишеля Фуко [34], полагавшего, что гендер и сексуальность, так же как класс, раса и социальные ритуалы, являются значимыми семиотическими системами, необходимыми для всестороннего восприятия окружающего мира. Российский философ и сексолог Игорь Кон подчеркивает, что квир подвергает сомнению непререкаемые авторитеты, господствующие в обществе в виде фиксированных идентичностей, и способствует возникновению публичного осмысления процесса дифференциации. В основе квир-теории лежит представление о вытеснении – социальном, политическом, психологическом – как механизме конструирования квир-идентичности. Носителей подобной идентичности Фуко окрестил «маргинальным субъектом дискурса и практик». При этом, подчеркивает Элизабет Гросс, квир не просто характеризует маргинальную сексуальность, а апеллирует к категории трансгрессивной сексуальности (трансгрессия – ключевой момент теории постмодернизма; по меткому замечанию М. Бланшо, это есть «преодоление непреодолимого предела»). Трансгрессивная сексуальность расширяет границы традиционного социального кругозора, выраженного в системе классических бинарных оппозиций – женщина/мужчина, гей/лесбиянка.

Опираясь на инструментариум квир-теории, мы проследим эволюцию и трансформацию идентичности гомосексуалов Великобритании сквозь призму механизмов репрезентации и самореференции. Интерес к Британии в данном случае связан с тем, что британский случай, в отличие, например, от американского, имеет более протяженный исторический контекст, отличающийся постоянством в конструировании сексуальной политики.

Осуждение британских гомосексуалов как представителей сексуальных «девиаций» приходится на раннее Средневековье, совпавшее с расцветом христианства. В 1102 г. (при Генрихе I Боклерке) Вестминстерский собор Лондона принимает указ, согласно которому люди, занимавшиеся «содомским грехом», должны подвергаться анафеме [22]. Степень наказания варьировалась: для духовных лиц уличение в «непотребстве» влекло за собой потерю сана, тогда как остальные «лишались своего правового статуса и достоинства на территории королевства Англия» [26]. Гомосексуализм интерпретировался сановниками как «страшный» грех – «венец пороков», для отпущения которого недостаточно привычной процедуры причащения, а необходима резолюция епископа.

В конце XIII в. Эдуард I Плантагенет ужесточил антигомосексуальное законодательство, введя смертную казнь посредством сожжения. Впрочем, согласно сведениям С. В. Фоменко судебные костры вспыхивали нечасто, а в промежутке между 1317 и 1789 г. прошло всего 73 процесса [33]. В 1533 г. Генрих VIII, отрекшись от католической веры и разорвав отношения с Папой Римским, провозгласил верховенство Англиканской церкви, что способствовало корректировке уголовных кодексов. Парламент убедил Генриха в том, что в стране до этого не было «достаточного» наказания «за отвратительный и мерзкий порок педерастии, совершенной с мужчиной» [31]. Новый акт перевел в разряд светских как само преступление, так и наказание за него, а разоблачение однополых связей влекло за собой «боли смерти» (через повешение) и конфискацию имущества. На родственников уличенных в преступлении навешивался пожизненный ярлык, символизирующий грехопадение отцов и передававшийся из поколения в поколение. Новое законодательство также послужило Генриху VIII эффективным орудием в борьбе с клириками, сохранявшими верность римскому понтифику. Король объявил содомию изменой, а ее «приверженцев» – врагами государства. В 1536 г. в ходе активной чиновничьей проверки в «духовной» деградации были уличены практически все йоркширские монастыри: «... во всех монастырях без исключения был распространен гомосексуализм. Почти в каждом монастыре, помимо “приверженных содомии”, имело место совращение молоденьких послушников — мальчиков в возрасте от тринадцати лет и младше», – пишет Кэрролли Эриксон [35, 104].

Послабления в антигомосексуальной политике наметились при сыне Генриха Эдуарде VI, внесшем в 1547 г. изменения в Акт 1533 г., согласно которым для обвинения в содомии необходимы были реальные доказательства вины, а не устное предположение. Отныне осужденный не подвергался конфискации земель и имущества, которые могли наследовать его дети, освобождавшиеся, в свою очередь, от необходимости несения позорного креста за «нерадивого» родителя. Актуальной при Эдуарде становится аксиома, подчеркивающая, что с человеком умирает и его порок.

После смерти Эдуарда в 1553 г. по инициативе его сестры Марии Кровавой начался процесс реставрации католицизма, в ходе которого были отменены и дискриминационные законы против гомосексуалов. Хроникеры сходятся во мнении, что этот жест означал не либерализацию, а стремление Марии вернуть рычаги контроля над приватной сферой в лоно католической церкви. Тем не менее Мария не успела осуществить запланированное (она умерла в 1558 г.), и эпоха «оттепели» завершилась воцарением Елизаветы I (дочери Генриха VIII), подавившей католическую реакцию и восстановившей в 1563 г. («39 Статей о религии») «Акт о содомии» в редакции 1533 г., которая относил гомосексуализм к сугубо гражданским и сексуальным преступлениям, приравненным к государственной измене. В данной формулировке закон просуществовал 256 лет.

В стане западных историков до сих пор обсуждается вопрос о том, применялась ли в действительности смертная казнь к представителям аристократии, поскольку достоверной информации о подобных процессах не существует. Однако известно, что обвинение в содомии могло быть инкриминировано только в случае уличения в измене или каком-нибудь преступлении против веры. Более того, исторические сочинения, посвященные закулисной политике английского двора, погрязшего в «распутстве», красноречиво свидетельствуют об отсутствии среди его обитателей чувства страха перед расправой за гомосексуальные связи. Напротив, в среде простолоюдинов «противоестественный блуд» возводился в ранг табу, причисляемого к неназываемым феноменам [28].

Согласно хронистам английские короли с давних времен окружали себя феминизированными юношами, носившими длинные волосы и отличавшимися фривольным поведением. Фаворитизм как неформальный институт и потенциальный канал рекрутирования гомосексуалов, а также инструмент лоббирования частных интересов – излюбленная тема западных публицистов. В этом контексте нередко упоминают короля Англии Вильгельма II Руфуса (Рыжего), испытывавшего страсть к «щегловатым молодым дворянам» [2]. Летописцы намеренно указывают на тот факт, что Вильгельм II никогда не был женат и не имел любовниц. Не менее хрестоматийным примером является эпоха Эдуарда II Плантагенета, открыто декларировавшего «нетрадиционную» сексуальность. Интимные пристрастия короля активно использовались стремящимися к власти дворянами (Пьер Гавестон, Хьюго Диспенсер), о чем поэт Диббин сложил пасквильное четверостишие:

Обабившись, в разврате опустившись,
Король народа благом пренебрег
Ради любимчиков, корону облепивших

И ею прикрывающих порок [21].

В 1326 г. Эдуарда свергла с престола группа аристократов (под предводительством его жены Изабеллы Французской), заточившая короля в замок Беркли, где через девять месяцев с ним жестоко расправились посредством введения раскаленного железа в организм.

Достаточно хлестко эпоху Эдуарда II описал Кристофер Мэрлоу, драматург «Золотого века» Елизаветы I, однако он привлек к себе внимание высших сановников не столько изобличающим произведением, сколько антихристианскими выпадами, направленными на доказательство «безбожности Христа», вступившего в гомосексуальную дружбу с апостолом Иоанном. Шокирующим в рамках жесткой христианской морали выглядит убеждение Мэрлоу в том, что «все, кто не любит мальчиков и не курит табак, – это законченные дураки» [30, 101].

Институт гей-фаворитизма достиг апогея в XVII – начале XVIII в. при Якове I. На закате жизни король приближает к себе молодого дворянина Джорджа Вильерса, вскоре возведенного в чин лорд-адмирала, а в 1623 г. получившего титул герцога Бэкингема (под этим именем воспетого Дюма-отцом в эпопее «Три мушкетера») и фактически узурпировавшего власть. Оправдываясь перед парламентом, Яков I восклицал: «Можете быть уверены, что я люблю герцога Бэкингема больше, чем кого бы то ни было, и больше всех собравшихся здесь. Я хотел бы отстаивать свои интересы, а не думать, что это недостаток, ведь Иисус Христос делал то же самое, а значит, меня нельзя порицать. У Христа был Иоанн, а у меня есть мой Джордж» [20].

В то время как монархи предаются гедонизму, в лондонском гетто оформляется андеграундная субкультура гомосексуалов, выраженная в феномене мужской проституции, и к концу XVII столетия содомию в ее физиологическом аспекте ассоциировали исключительно с низшими социальными классами. На протяжении XVII–XVIII вв. Лондон превращается в европейскую гей-столицу [25, 197–199]. Тезис подтверждается и отчетами судебных приставов об «очистительных» рейдах по местам встреч гомосексуалов в 1698, 1707 и 1726 г. [13]. Исследования показывают, что внутри сообщества мужчин-проституток существовала четкая поляризация на два социотипа: «либертины» (агрессивно-маскулинные бисексуалы) и «молли» (пассивные обитатели борделей, чаще – трансвеститы, облачающиеся в дамские платья и носящие женские имена). Последние образовывали костяк геев, консолидированных вокруг тайных клубов «Молли Хаус», клиентами которых выступали мужчины из различных слоев общества. В одном из громких судебных разоблачений начала 1700-х гг. оказались одновременно замешаны торговцы, члены кабинета министров, обойщики, издатели, юристы, клерки, лакеи, слуги, водовозы и солдаты [1, 8]. Писатель Э. Уорд в книге «Секретная история лондонских клубов» (1709) отмечает, что «дома молли» располагались в городских тавернах, где регулярно собирались «странные группы товарищей». А в 1729 г. тот же Уорд констатировал: в Лондоне существует как минимум двенадцать негласных мест встреч гомосексуалов, большая часть из которых дислоцирована у театра Ковент Гарден [1, 8]. В 1982 г. Алан Брэй в книге «Гомосексуальность в Англии эпохи Возрождения» сделал акцент на том, что «дома терпимости» для геев, зародившиеся в конце XVII столетия, простирались «по всей области к северу от Темзы». Эти неформальные институты, помимо всего прочего, олицетворяли нечто большее, чем просто сексуальный акт или влечение. В действительности, уверена профессор Оклендского университета А. Джагоз, они конституировали гомосексуальность в ее современном смысле, как идентичность, как способ бытия в мире [23, 20].

Развитие нелегальной гей-инфраструктуры привело к ужесточению государственной политики в области общественной морали. В 1691 г. видные сановники и члены королевской династии образовали «Общество для реформы нравов», нацеленное на борьбу с сексуальными перверсиями, в том числе и с гомосексуализмом. В 1802 г. сложилось «Общество подавления порока», оказывающее серьезное давление на влиятельных гомосексуалов: из Англии вынужден бежать писатель У. Бекфорд, а в 1822 г. эмигрирует епископ города Клогер П. Джослин, которого застали на месте «преступления» с молодым солдатом. «Морализаторы» прибегали к всевозможным видам шантажа, нередко приводившим к нервным срывам и усугублявшим суицидальный синдром – настолько был силен страх подрыва репутации. Так, например, по одной из версий в августе 1822 г. министр иностранных дел Англии Роберт Стюарт Кеслри (лорд Лондондерри) покончил с собой, не выдержав напора шантажистов, «заигрывающих» с его гомосексуальной ориентацией. В целом доля судебных процессов, заканчивающихся смертельным приговором, в общем числе гей-скандалов была

крайне низка. С 1749 по 1804 г. осуществлялась лишь одна смертная казнь в десять лет, тогда как с 1806 по 1836 г. за содомию было повешено 60 мужчин [31].

Гомосексуализм подвергался остракизму не только со стороны чиновников и религиозных деятелей, но также и в научных кругах. Философ-натуралист Ф. Бэкон уверял, что содомский грех – воплощение «самых ужасных преступлений» против общества. Вторя ему, юрист У. Блэкстоун декларировал: гомосексуальная страсть – потенциальная угроза безопасности каждого англичанина. Против дискриминации меньшинств в XVIII в. восстал лишь философ-утилитарист И. Бентам, призывавший к ограничению антигомосексуального законодательства: «Чтобы уничтожить человека нужно иметь более серьезные основания, чем простая нелюбовь к его вкусу, как бы эта нелюбовь ни была сильна». В 1785 г. в эссе «Педерастия» философ объяснял жестокие вердикты «педерастам» «результатом иррациональных религиозных страхов, порожденных ветхозаветным разрушением Содома» и закрепленных благодаря «иррациональной антипатии» общества к наслаждениям в любом виде [27].

Призыв Бентама остался без ответа, а кампании за чистоту нравов, напротив, только набирали обороты, особенно в эпоху королевы Виктории, чье имя отождествляли с асексуальностью. Еще в 1828 г. был пересмотрен Акт о содомии 1553 г. Новая редакция закона содержала более резкие, ярко выраженные гетероцентристские положения: «...каждое лицо, виновное в омерзительном преступлении содомии, совершенной с мужчиной или любым животным, подлежит смерти как преступник» [32, 355]. Окончательно от смертной казни английские парламентарии отказались лишь в 1861 г., последовав примеру Франции и Испании; смертная казнь отныне заменялась лишением свободы от 10 лет до пожизненного заключения.

Уже в 1885 г. под давлением прогрессивных настроений в обществе, а также под влиянием экспансии феминизма, уголовное уложение было откорректировано принятием «Акта крайней непристойности», согласно которому любые попытки «нечестивого акта» между мужчинами пресекались и карались двумя годами тюрьмы с предписанием исполнения каторжных работ или без них. Этой участи, в частности, подвергся английский писатель и драматург Оскар Уайльд, воспевавший «любовь, чье имя нельзя называть». Его роман «Портрет Дориана Грея» – кульминация нарциссического гомоэротизма, ограниченного викторианским пуританством, – своего рода исповедь, адресованная любовнику – юному лорду Альфреду Дугласу («милому Бози»). Отец последнего – Джон Дуглас (9-й маркиз Куинсбери), крайне возмущенный влиянием Уайльда на сына и озабоченный собственной репутацией, инициировал против писателя разгромный судебный процесс. Помимо заключения Уайльда под стражу, на его произведения был наложен мораторий, а имя предано забвению. Реабилитация Уайльда началась лишь во второй половине XX в., когда гей-либерационисты возвели его в разряд икон, репрезентирующих трагические страницы гетероцентрической истории.

С другой стороны, образ Оскара Уайльда стал квинтэссенцией эпохи дендизма и сексуальной фривольности 1880-х гг. В противовес чопорной респектабельности в кругах прогрессивно настроенных представителей молодой богемы в моду входит нетрадиционный тип взаимоотношений. Модель поведения, культивируемая в закрытых учебных заведениях для мальчиков (Итон, Хитроу и т.п.), постепенно привносится и во взрослую жизнь. Писатель Джон Аддингтон Саймондс, обучавшийся в престижном пансионе Хэрроу, в своих «Мемуарах», которые были опубликованы лишь в 1984 г., красноречиво описывает внутренний климат школы: «...каждый смазливый мальчик имел женское имя и <...> был чем-то наподобие общедоступной проститутки <...> Разговоры в спальнях и в классных аудиториях постоянно вертелись вокруг чего-то неприличного <...> В поведении выходцев из благопристойных семей не было ничего утонченного, сентиментального, благообразного – ничего, кроме всепоглощающей животной похоти» [30, 57–58]. У. Т. Стид – очевидец, наблюдавший за скандалом вокруг персоны Уайльда, в своих записях тонко подмечает: «Если бы каждый, кто виновен в грехе Оскара Уайльда, попадал бы в тюрьму, то мы бы стали свидетелями удивительного переселения обитателей Итона, Хэрроу, Рэгби и Винчестера в тюремные камеры Пентонвилля и Холлоуэлла <...>» [32, 358].

К концу XIX в. в движение гомосексуальной апологетики включились видные писатели и сексологи. Эдвард Карпентер в работе «Промежуточный пол» (1908) доказывал, что «гомогенная любовь» (дефиниция, изобретенная Карпентером вместо термина «гомосексуализм») есть одухотворенная и товарищеская привязанность, приближенная к древнегреческой, когда страсть субли-

мируется в возвышенные эмоции. После суда над Уайльдом в целях реабилитации гей-сообщества Карпентер составил первую антологию гомосексуальной литературы.

Немаловажную роль в укреплении самосознания гомосексуалов как аутентичной группы, а не половой девиации или подвида «дегенерации» (по выражению немецкого психиатра Р. Крафт-Эбинга) сыграли работы Джона Саймондса. В 1871 и 1891 г. он издал два трактата: «Вопросы этики в Древней Греции» и «Вопросы современной этики», в которых пытался развенчать стереотипы, основанные на ассоциировании мужчин-геев с феминностью, а также опровергнуть тезис о том, что гомосексуалы «растлевают и развращают молодежь». В тандеме с Хэвлоком Эллисом Саймондс написал трактат «Сексуальная инверсия», в котором утверждал: за исключением своих сексуальных партнеров, гомосексуалы немногим отличаются от других людей [29, 61–79]. В свою очередь Эллис (еще до психоанализа Фрейда) высказал идею о существовании у каждого индивида внутренних предпосылок для формирования гомосексуальности, тем самым намекая на бисексуальную природу человека. В 1914 г. Карпентер и Эллис образовали «Британское общество для изучения психологии пола» (по аналогии с Институтом сексуальных исследований Магнуса Хиршфельда в Германии). Общество занималось просветительской деятельностью: чтением публичных лекций и изготовлением тематических памфлетов («Сексуальное разнообразие и изменчивость среди женщин» С. Браун, «Эротические права женщин» Х. Эллиса, «Происхождение сексуальной скромности» Э. Вестермарка, «Отношение сочувствия к полу» Л. Хаусмана, и «Некоторые друзья Уолта Уитмана» Э. Карпентера).

На рубеже XIX–XX вв. благодаря активизации суфражизма (движения женщин за гражданские права) многие гомосексуально ориентированные женщины впервые получили возможность заявить о себе и трансформировать патриархатную сексуальную культуру. Среди тех, кто открыто проповедовал лесбийские отношения, наиболее известны композитор и автор гимна «Марш женщин» Э. Смит и С. Хамилтон, написавшая пьесу «Голоса для женщин». Одна из лидеров суфражисток, Кристабель Панкхерст, во многом предвосхитила идеи радикального феминизма второй половины XX в.: идею важности исключительно женского движения, мысль о власти мужчин над женщинами во всех сферах жизни, в том числе и в интимной, идею «сестринства» всех женщин и т.д. В 1913 г. она опубликовала брошюру «Великое бедствие, и как с ним покончить», в которой заявляла, что 75–80% мужчин заражены гонореей, многие другие – сифилисом, что брак, следовательно, опасен для женщин. Лекарством, по ее мнению, является «право голоса для женщин и целомудрие для мужчин» [14, 188].

Подобные заявления позволили Д. Дэнджерфилду в работе «Смерть либеральной Англии» (1935) оценить деятельность Женского социально-политического союза как «курьезного и иррационального движения», «грубую комедию» и, наконец, как форму «довоенного лесбиянства» [6, 140–171]. На волне суфражистской активности обсуждались слухи о лесбийских наклонностях Кристабель Панкхерст и ее матери Эммелин Панкхерст. М. Пью объясняет популярность лесбийских контактов в стане суфражисток неприязнью, которое испытывало к ним большинство британцев, в результате чего лесбийские отношения «давали эмоциональную поддержку членам группы, изолированной от всего остального общества» [18].

С другой стороны, ряд авторов подвергает сомнению восприятие суфражистского движения сквозь линзы сексуальной революции. Во-первых, несмотря на значительное присутствие в суфражистском движении лесбиянок, женские организации деликатно обходили тему лесбийской любви. Во-вторых, подход Панкхерст основывался на традиционных воззрениях о «женской миссии», созвучных с викторианской догмой о высокой моральности представительниц женского пола, причиной которой является «величайшая задача материнства», данная женщинам природой [14, 225]. Допущение же женщин в политику, по мнению Кристабель Панкхерст, даст им возможность распространить собственные моральные идеалы и на мужчин: «суфражистки <...> верят в то, что мужчина может жить такой же чистой и моральной жизнью, как и женщина» [14, 192]. Именно поэтому, как отмечает Т. Ларсен, для Кристабель ее «сексуальная мораль согласовывалась с консервативными христианскими нравами» [10].

Несколько в иной плоскости действовали активистки женского движения, не разделявшие суфражистских идей и внесшие более значительный вклад в ломку пуританских ценностей викторианской эпохи. Ключевую роль среди них играли авангардная журналистка Д. Марсен и другие авторы журнала «Свободная женщина», впервые заявившие о праве женщины быть сексуальной –

праве, которое до этого ассоциировалось исключительно с проституцией, а для Марсден и ее сторонниц означало «осознание [женщинами. – Д. В., А. Г.] индивидуальности» [12].

Протест против гендерных и сексуальных императивов также выражали интеллектуалы и представители богемной интеллигенции. Вокруг фешенебельных салонов создаются тайные кружки, поощрявшие полигамию, триединые союзы и независимость от сексуальных табу. Наиболее известным примером является элитарный союз выпускников Кембриджа – «группа Блумсбери» («Кембриджские апостолы»), резко критикующий викторианское ханжество. В состав группы входили В. Вулф, Л. Стрэчи, Э. М. Форстер (автор гей-романа «Морис»), экономист Дж. М. Кейнс, художники Д. Каррингтон, Д. Грант, ориенталист А. Уэйли и др. Члены кружка исповедовали сексуальную свободу, составляя треугольные союзы с гомосексуальной подоплекой. Так, например, муж В. Вулф, Л. Стрэчи, состоял в платонических отношениях с Д. Каррингтон. «Когда они влюбились в одного и того же человека, Каррингтон вышла замуж за объект их взаимного желания, и они втроем вели домашнее хозяйство» [17].

В 1927 г. Вирджиния Вулф выпустила гей-бестселлер – «Орландо», повествующий о транс-сексуальных коллизиях главного героя, выдвигая аксиому: любовь и страсть пребывают вне гендера. Годом позже лесбиянка Рэдклиф Холл опубликовала роман «Колодец одиночества» – сексуальную биографию мужеподобной девушки Стефен Гордон. Книга подверглась суровой критике, а ее автор – уголовному преследованию. «Поскольку в книге Холл не только призывала “добропорядочных граждан” признать существование лесбиянок, но и осмелилась допустить, что ничто человеческое лесбиянкам может быть не чуждо, судья объявил книгу “непристойным пасквилом” и приказал полиции уничтожить все отпечатанные экземпляры», – пишет Пол Рассел [30, 141]. Британская политическая элита, обеспокоенная разгулом лесбийской сексуальности, совершила первую в истории Англии попытку криминализировать однополые отношения между женщинами: в 1921 г. Палата общин приняла поправку, согласно которой любой «акт грубой непристойности между персонами женского пола» [11] наказывался по аналогии с мужчинами-геями. Однако законопроект был отвергнут Палатой лордов ввиду отсутствия убедительных аргументов.

О необходимости снятия с гомосексуалов юридических ограничений в пространстве публичной политики Британии заговорили в 1957 г., после того как председатель специального правительственного комитета сэр Джон Волфенден представил свой доклад. Большинство голосов (12 против 1) этот документ рекомендовал парламенту отменить уголовное преследование за добровольные однополые связи между взрослыми мужчинами старше 21 года в приватной обстановке; кроме того, в докладе утверждалось, что гомосексуализм не является психопатологией. Но институционализация предписаний Вольфендена затянулась на десять лет, утонув в ожесточенных диспутах: ортодоксально настроенные консерваторы видели в этом шаге подрыв семейных ценностей. Сломить их сопротивление удалось лишь в 1967 г., однако при этом вводились уголовные нормы, согласно которым добровольный секс между мужчинами вне домашней обстановки с участием более двух человек или с лицами младше 21 года возводился в ранг преступления [24].

Примечательно, что сами сексуальные меньшинства не приложили к декриминализации законодательства особых усилий. Правда, в 1964 г. появляется первая правозащитная организация лесбиянок – «Группа исследования меньшинств», но ее активистки были далеки от решительных действий и концентрировали свои усилия исключительно на апологии духовного аспекта лесбиянства. И лишь события в Стоунуолле в 1969 г. (США, Нью-Йорк), спровоцировавшие повсеместные гей-восстания, изменили отношение британских гомосексуалов к политике.

В октябре 1970 г. в подвале Лондонской школы экономики состоялось учредительное собрание Фронта по защите геев (Gay Liberation Front) под руководством Обри Валтерса и Боба Меллорса. В ноябре 1970 г. Фронт в составе 80 человек провел общественную манифестацию в районе Хейбери против внедрения в гей-среду с целью дискредитации гомосексуалов, обвиняемых в «непристойных сексуальных» действиях, полицейских агентов [7]. Тогда же был создан печатный орган GLF – журнал «Идущие вместе» – и сформирована «Антипсихиатрическая группа», выступавшая против проведения медицинских экспериментов над геями и лесбиянками. Члены этого подразделения совершали «набеги» на симпозиумы психиатров с лозунгами: «Гомосексуализм – не патология!» Позже сложились и другие «отраслевые» ведомства Фронта: Женская, Уличная, Театральная, Общественная, Молодежная группы, а также был организован Координационный комитет.

Если в 1970 г. Фронт насчитывал около ста активистов, то уже к январю 1971 г. общее собрание посещало до пятисот человек в неделю.

Критическое восприятие гомосексуалами «непререкаемых авторитетов» семьи и пуританской морали отразилось в программном документе Фронта – «Манифесте», принятом в октябре 1971 г. «Манифест» отрицал иерархичность сексуальной пирамиды с доминированием дихотомии «маскулинное»/«фемининное», подразумевающей распределение ролей по оси угнетенные/угнетатели. Гомосексуалы провозгласили курс на эгалитарное общество. В качестве превентивной тактики гей-активисты избрали «каминг-аут» – публичное раскрытие своей сексуальной идентичности, получившее широкий размах по всей стране. По мнению А. Джагоз, массовый «выход из чулана» придал гей-движению политизированный характер.

К концу 1971 г. внутри GLF намечился раскол между мужчинами, разделившимся на два лагеря: тех, кто видел в «каминг-ауте» лишь первый шаг к обретению геями собственной идентичности, и тех, кто отождествлял этот шаг с единственно верным средством борьбы с идеалами маскулинности и сексизма [7]. В 1972 г. от Фронта откололись женщины, обвинившие геев-мужчин в эгоизме. А после проведения в августе 1972 г. гей-прайда на Трафальгарской площади активность GLF резко пошла на убыль, и в результате Фронт раскололся на мелкие организации узкого профиля. В начале 1990-х гг. из Фронта выделилась экстравагантная группа OUTFrage, преследовавшая цель предать огласке имена всех гомосексуалов, занятых в политической сфере, особенно членов парламента. Среди наиболее известных активистов группы – режиссер Дерек Джармен (фильмы «Эдуард II», «Караваджо» и т.п.).

На пике гей-движения 1970–80-х гг. происходит обособление лесбийского сепаратизма, который занимает лидирующие позиции в женском движении. Апеллируя к классикам феминистской мысли – К. Миллет и С. де Бовуар, выступавшим против сексуального патриархата, лесбиянки стремились к формированию коллективной идентичности и повышению уровня самосознания («conscious-raising»). В 1970-е гг. развитие получает идея «сестринства», подразумевавшая тесное общение женщин как жертв угнетения в создаваемом ими «женском» пространстве. Сепаратистские установки некоторых из радикальных феминисток привели к отрицанию любых контактов с мужчинами – от политических до сексуальных. Артикулирование враждебности по отношению к мужчинам и мужским институтам поощряло лесбиянство как выход из ситуации. Так, Национальная Британская конференция за освобождение женщин (1978 г., Бирмингем) приняла резолюцию, в которой «право определять свою сексуальность» обозначалось как главный вопрос всего женского движения.

Гетеросексуальность стала восприниматься лесбиянками как навязываемый мужчинами культурный конструкт. Мнение о том, что гетеросексуальные отношения являются видом изнасилования, наиболее ярко было выражено в брошюре Революционной феминистской группы Лидс (1979): «Только в системе угнетения, являющегося мужским главенством, угнетатель фактически внедряется в тело угнетенной и колонизирует его... Проникновение есть акт огромного символического значения, посредством которого угнетатель входит в тело угнетаемой <...> функцией и результатом его является наказание и контроль женщины <...> каждый акт пенетрации для женщины представляет вторжение, подрывающее ее уверенность и истощающее ее силы» [9, 6]. В манифесте «Политическое лесбиянство: аргументы против гетеросексуальности» активистки организации утверждали, что «гетеросексуальная пара есть основная единица политической структуры мужского господства. В ней каждая индивидуальная женщина попадает под контроль индивидуального мужчины <...> Мужчины – враги. Гетеросексуальные женщины – пособницы врагов» [9, 6–7]. Вопрос об отношении к мужчинам и гетеросексуальности расколол британское женское движение, поскольку революционные феминистки-лесбиянки были склонны клеймить гетеросексуальных женщин как предательниц дела. Энни Брэкс описывает споры, возникшие относительно взаимосвязи между феминизмом и лесбиянством на второй Национальной конференции за женское освобождение в 1971 г., где этот вопрос впервые был поднят: «Некоторые чувствовали, что отношения с мужчинами невозможны в современном обществе и в современном состоянии гендерных ролей. Другие соглашались с этим взглядом, но не чувствовали, что он относится и к ним <...> Третьи <...> не считали лесбиянство решением проблемы женского угнетения» [3, 167–168]. Критики радикального феминизма, в частности Л. Сигал, полагали, что подобный сепаратизм не принес пользу

женскому движению: «Как мог такой редукционизм, такая фаллическая одержимость настолько захватить феминизм?» [16, 97].

Но, несмотря на то что в результате радикальных установок на бесструктурность, неформальность и «децентрализм» [4, 194] с середины 1970-х гг. женское движение в Британии перестало быть заметным на национальном уровне и сосредоточилось на кампаниях по отдельным вопросам, лесбийский сепаратизм не был изжит и снова возродился как общенациональная проблема в контексте женской борьбы за разоружение, прежде всего – в женском лагере мира, разбитом в 1981 г. англичанками около военно-воздушной базы Гринэм-Коммон (Greenham Common) в знак протеста против размещения на ней американских крылатых ракет «Томогавок». С превращением лагеря исключительно в женскую инициативу многие стали воспринимать Гринэм как место сосредоточения лесбиянок: «Женщины не были единственной причиной моего присутствия там, но они действительно были большой приманкой <...> Впервые в моей жизни я чувствовала, что нашла место, которому я соответствую, и кем бы я ни была, я была приемлемой, такой же, как и другие» [15, 57]. В лагере тема лесбиянства открыто обсуждалась как нечто абсолютно нормальное, тогда как гетеросексуальные отношения у многих вызывали противоположные чувства.

В конце 1980-х гг. гей-сообщество Британии ненадолго сплотилось вокруг борьбы за отмену параграфа 28 под знаменами созданной в 1989 г. группы по защите прав геев, лесбиянок и бисексуалов – «Stonewall UK». В условиях распространения СПИДа, ассоциируемого в большей степени с гомосексуалами, правительство Тэтчер, напуганное пандемией «чумы двадцатого столетия», приняло в 1988 г. «Акт о местном самоуправлении», статья 28 которого запрещала местным властям «намеренно пропагандировать гомосексуальность», публиковать материалы с «намерением пропагандировать гомосексуализм» или способствовать тому, чтобы в школах обучали «признанию гомосексуальности в качестве якобы семейных отношений» [24, 51]. Штурм парламентских высот оказался безуспешным, несмотря на поддержку видных гомосексуалов из творческой среды. К этому вопросу вернулись лишь в феврале 2000 г., когда он был вынесен на голосование в парламенте благодаря лоббистским усилиям лейбористов во главе с премьер-министром Т. Блэром, осознающих, что гомосексуальная компонента – весомая доля электората. Инициатива вызвала негативный резонанс со стороны Палаты лордов, наложившей вето на законопроект. Интересно, что парламентариям Шотландии, напротив, удалось договориться и отменить поправку, несмотря на протесты христианских фанатиков, вдохновляемых миллионером Б. Саутером. Впрочем, уже в 2003 г. под давлением лейбористов параграф 28 все-таки упразднили на территории всего Соединенного Королевства.

В 2007 г. группой «Stonewall UK» среди жителей Великобритании был зафиксирован высокий процент терпимого отношения к гомосексуалам: 73% опрошенных посчитали борьбу со стереотипами в отношении гомосексуалов необходимостью, а 89% выступили за принятие законов, объявляющих нелегальной дискриминацию на основании сексуальной ориентации [8].

Первым шагом на пути к официальному признанию геев стало введение института зарегистрированного партнерства. Требование легализации однополых союзов было отражено в петициях группы «Stonewall», выступившей автором соответствующего законопроекта. После десятилетних прений в 2004 г. был найден компромисс в виде Закона о гражданских партнерствах (Civil Partnership Act), получившего королевское одобрение 18 ноября и вступившего в силу 5 декабря. Согласно этому акту однополые пары получили возможность официально визировать свои отношения. Закон уравнивал в правах гомогенные и гетеросексуальные пары в том, что касается налогов, пенсий, страховки, прав наследования, воспитания детей и иммиграции. В ходе выработки законопроекта парламентарии сознательно обошли термин «брак», подобрав ему эквивалентное, но не совсем равноценное понятие – «партнерство». Это объясняется тем фактом, что в Англии категория «брака» по умолчанию детерминирована религиозным аспектом. Первыми договор о партнерстве подписали певец Элтон Джон и канадский дизайнер Дэвид Ферниш. На церемонии их бракосочетания, помимо представителей мирового шоу-бизнеса, присутствовал и премьер-министр Т. Блэр.

Несмотря на легитимацию иных сексуальных практик и культивирование в британском обществе механизмов толерантности, представители квир-идентичности, находящиеся во власти, в отличие от рядовых собратьев, предпочитают оставаться в тени, избегая публичности. Во многом это объясняется живучестью консервативной «этики ответственности», предписывающей полити-

ческим деятелям сохранять респектабельность, имплицитно исключая гомосексуальность. Первым прецедентом в этом отношении стал случай парламентария от Консервативной партии А. Дункана, летом 2008 г. зарегистрировавшего отношения с Д. Данситом. В сентябре 2008 г. «каминг-аут» совершила канцлер казначейства Великобритании Анжела Игл, заключив гражданский союз с Марией Эксол. Но эти казусы лишь исключение, не подтверждающее правило.

В целом, анализируя эволюцию квир-идентичности в Британии, трудно зафиксировать точку бифуркации, когда произошло трансгрессивное расширение социального пространства. Это сложный процесс, синтезировавший опыт прошлого и конъюнктурно интегрировавший вызовы настоящего. Институциональная легитимация гей-сообщества во второй половине XX столетия расширила возможности для геев и лесбиянок публично проявлять свою сексуальность. Однако это стало логическим результатом внутренних процессов в гомосексуальной среде, стартовавших в XVII–XVIII в., когда происходит фиксация первичных элементов гей-идентичности – канвы британского варианта квира. В этот период оформляются семиотические схемы самоидентичности: «молли», «либертины», «товарищи», «романтические друзья»; процветает андеграундная клубная субкультура геев, проводящая разграничение между «мы» и «другие». Сегодня же, в условиях дифференциации и усложнения общества, прежнее «мы» (квир-сообщество) также распадается на атомы, нередкодвигающиеся в принципиально различных статусных плоскостях.

Список литературы

1. *Adam B.* The Rise of A Gay and Lesbian Movement. N.-Y.: Twayne Publishers, 1995.
2. *Barlow F.* William Rufus. Berkeley, 1983.
3. *Brackx A.* Prejudice and Pride // No Turning Back: Writings from the Women's Liberation Movement, 1975–1980. L., 1981.
4. *British Feminism in the Twentieth Century* / ed. by Harold L. Smith. Amherst, 1990.
5. *Caine B.* English Feminism 1780–1980. Oxford, 1997.
6. *Dangerfield G.* The Strange Death of Liberal England. L., 1970.
7. *Feather S.* A brief history of the Gay Liberation Front, 1970–73 [электронный ресурс]. URL: <http://libcom.org/library/brief-history-gay-liberation-front-1970-73>
8. Living Together: British Attitudes to Lesbian and Gay People [электронный ресурс]. URL: www.stonewall.org.uk/documents/living_together.pdf
9. Love Your Enemy: The Debate between Hetero-Sexual Feminism and Political Lesbianism. L., 1981.
10. *McDonald J.* Book Review: Larsen T. Christabel Pankhurst: Fundamentalism and Feminism in Coalition [электронный ресурс]. URL: www.layman.org/Resources/ArtsCulture/BookReviews.aspx?article=17198
11. *Mann R. G.* United Kingdom: 1900 to the Present [электронный ресурс]. URL: www.glbtc.com/social-sciences/united_kingdom_02.html
12. *Marsden D.* Views And Comments // The New Freewoman: 1913. № 5. Vol. 1. 15th of August [электронный ресурс]. URL: http://www.nonserviam.com/egoistarchive/marsden/TheNewFreewoman/8_15_1913.html#views
13. *Norton R.* Mother Claps Molly House. L.: Gay Men's Press, 1992.
14. *Pankhurst C.* The Great Scourge and How to End It // Suffrage and the Pankhursts / ed. by J. Marcus. L., 1987.
15. *Roseneil S.* Disarming Patriarchy: Feminism and Political Action at Greenham. Buckingham; Philadelphia, 1995.
16. *Segal L.* Is The Future Female? Troubled Thoughts on Contemporary Feminism. L., 1987.
17. The Bloomsbury Group [электронный ресурс]. URL: <http://bloomsbury.denise-randle.co.uk/intro.htm>
18. *Thorpe V., Marsh A.* Diary reveals lesbian love trysts of suffragette leaders // The Observer. 2000. 11th of June [электронный ресурс]. URL: www.guardian.co.uk/uk/2000/jun/11/vanessathorpe.theobserver
19. В Великобритании разрешили однополые браки [электронный ресурс]. URL: http://funsex.ru/2006/12/20/v_velikobritanii_razreshili_odnopolye_braki.html
20. Венценосная гей-Европа XVI–XVII вв. Яков I Английский: богослов и сквернослов [электронный ресурс]. URL: http://www.gay.ru/people/star/foreigner/xix/gay_eu3.html
21. *Голдсмит О.* История Англии. Глава XIII. Эдуард II Кэрнаворон [электронный ресурс]. URL: <http://silonov.narod.ru/parents/eng13.htm>
22. *Даниель А.* Гомосексуализм: отличие или отклонение [электронный ресурс]. URL: www.overcoming-x.ru/site/book/export/html/12
23. *Джагоз А.* Введение в квир-теорию. М.: Канон+, 2008.
24. ИЛГА-Европа: Равноправие для лесбиянок и геев. Актуальная проблема гражданского и социального диалога. Луганск: Центр «Наш мир», 1999.

25. *Кон И. С.* Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М.: Олимп, 1998.
26. *Кудринских А.* Преследование гомосексуалов. Европа. Средние века [электронный ресурс]. URL: <http://www.gay.ru/science/history/abroad/xix/middleages2006.html>
27. *Ларуш Л.* Разгадка парадокса текущей истории. Отрывок из работы «Зоопарк народов» лорда Пальмерстона [электронный ресурс]. URL: http://analitiya.narod.ru/zc_7_001.htm
28. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
29. *Мондитор Ф.* Гомосексуальность. Естественная история. Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
30. *Рассел П.* 100 кратких жизнеописаний геев. М.: Крон-Пресс, 1996.
31. Регулирование положения сексуальных меньшинств в законодательстве и практике зарубежных стран: исторический экскурс, современные правовые подходы и формы дискриминации [электронный ресурс]. URL: <http://www.wolters-kluwer.ru/market/files/g107.pdf>
32. *Тэннэхилл Р.* Секс в истории. М., 1995.
33. *Фоменко С. В.* «Венец пороков» Средневековья [электронный ресурс]. URL: <http://www.historicus.ru/333/>
34. *Фуко М.* Воля к власти: по ту сторону знания, власти и сексуальности [электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/scr/page_122694.htm
35. *Эриксон К.* Мария Кровавая. М.: АСТ, 2001.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2009